

С каждым годом, а их за плечами Александра Ивановича было уже более семидесяти, его зимы становились всё длиннее и тоскливее. С детства привыкшие к физическому труду руки требовали работы тяжёлой, мужской. Рано лишившись опеки родителей, мальчишкой с краюхой хлеба за пазухой, он ушёл из родной деревни в город, в люди, и чтобы добыть себе пропитание, приходилось браться за любую работу. А какие дела могут быть у глубокого пенсионера зимой в городской двушке? Всё побелено-покрашено. Обслуживал Александр Иванович себя сам: это на предмет постирать, сходить в магазин или обед приготовить. Дети взрослые, состоявшиеся люди. Прадедом стал недавно. Правнучку обожал и часто навещал её. С трепетом носил на руках, всматривался в маленькое, ещё не сформировавшееся личико и искал что-то от себя и покойной жены. А уходя, целовал в белокурую головку, с благоговением крестил, чуть слышно шепча: «Господи! Спаси и сохрани чадо безвинное!»

И чем ближе была весна, тем маетнее становилось Александру Ивановичу. Душа просилась вон из мегаполиса на природу, в деревню, где его ждал по случаю приобретённый небольшой домик. Его бывшие хозяева давно скончались. Их дети съехали в город, и брошенный дом выживал, как мог, уже не надеясь на свою вторую жизнь. А пойдти по деревне – сколько ещё таких забытых избёнок насчитаешь: покосившихся, с заколоченными крест-накрест окнами, провалившимися крышами...

Александр Иванович частенько проводывал свой деревенский дом зимой. Не нахулиганил ли злой человек, снежок покидать да и здешним старушкам, подружкам своим, гостинцев привезти. А уж те, давно овдовевшие, были несказанно рады городскому гостю. И даже негласно соревновались меж собой за внимание своего кавалера: кто блинов с горкой напечет, кто румяный пирог приготовит, кто щи суточные изладит: по-деревенски – в чугушке да в печи! А уж стопочку поднести – это, как говорится, святое дело! И все бы на этом, так нет – эти божьи одуванчики ещё глазки строить ему умудрялись! Знали, как приветят Иваныча, так тот по теплу и помощь окажет. А дел на селе невпроворот: дров нарубить, крышу подлатать, забор поправить, огород вскопать. Да мало ли ещё чего? Про коровушек уж и не заикались. Корова – она, конечно, кормилица, но кто сено заготовит, на пастбище её, милую, выгонит? Поэтому от силы несколько старушек держали кур, а на большее уж и не замахивались.

Руки у Александра Ивановича золотые, мастеровые: чем только в своей нелёгкой жизни не пришлось заниматься. Он и по плотницкому делу мастер, и по слесарному, и в огороде знаток. Свой дом без посторонней помощи перекроил. А сколько ему за его труды односельчане здоровья по-

желали – на сотни лет, не меньше! Бывало, стоит избёнка, поди ещё при царском режиме рубленая, цвета чёрного, венцы нижние – труха, кособокая, а поколдует над ней Александр Иванович, и глядь – терем!

И вот в какой-то год позвал меня мой друг и коллега по работе Владимир, он же сын Александра Ивановича, съездить к отцу в эту деревню. Мол, два великих дела сделаем. Во-первых, поможем огород под картошку вскопать. Весна в тот год выдалась ранней и дружной: земля рано оттаяла и просила ухода. Хоть и бодрится отец, гоголем ходит, но годы берут своё, как ни крути! А ещё с Днём Победы поздравить. По телефону этого не сделать – их в деревеньке только один в сельсовете остался (сотовой связи в то время ещё и в помине не было).

С войной у Александра Ивановича, свой личный счёт: с первого чёрного её дня до счастливого последнего прошагал он по её кровавым полям. И под родным небушком, и под чужим довелось. А где-то ползком по-пластунски: служил-то он в полковой разведке. Вот и приходилось к фрицам «в гости ходить» то за языком, то за разведанными, то в засаду. Но зато в поверженном Берлине стоял простой русский солдат по имени Александр в полный свой рост, развернув во всю ширь молодецкую грудь: «Всё, отвоевался! Победа! Знай наших!»

* * *

В общем, как сговорились, так и сделали. Заранее определились с Владимиром по электричке, чтобы часов в девять утра уже быть на месте. Распределили, кто и что прикупит из съестного. Электричка оказалась полупустой. Оно и понятно: народ 9-го мая поближе к праздничному столу, к телевизору. Без труда выбрали удобные для сна места (разговоры можно было отложить на день), чтобы добрать ещё минут сорок утреннего сна. Владимир тут же закивал головой, поддавшись убаюкиванию покачивающегося вагона и размеренному перестуку его колёс. Я тоже намеревался вздремнуть, но вместо сна пришли воспоминания.

Когда я впервые осознал 9 мая как Великий День, как дату Великого праздника? К моему удивлению и восторгу чётко, словно это были воспоминания о вчерашнем дне, я увидел себя мальчишкой неполных девяти лет. И ясный солнечный, как на заказ, день 9 мая 1965 года...

Да, абсолютно верно, это было двадцатилетие Победы! Казалось, все жители города вышли на его улицы. Это был город счастливых лиц! Незнакомые люди запросто поздравляли друг друга. Из уличных колоколов-громкоговорителей гремела музыка. И, конечно же, ветераны, нарядные, радостные, с букетами цветов, хмельные от всеобщего внимания. Как много их было тогда! Помню, как завораживал перезвон их наград, как слепил глаза золотой блеск орденов и медалей. И мы, пацаны, жмурясь и открыв рты от восторга, смотрели снизу вверх на героев-фронтовиков!

– Дяденька! А это что за медаль?

– Дяденька! А за что вам её дали?

– Да не медаль это, а орден! – нарочито важно опережал ветерана кто-то из старших ребят, показывая свою осведомлённость. – И награды не дают, ими награждают!

Ветераны, приобняв нас, радушно и с охотой удовлетворяли наше любопытство, стараясь доходчиво объяснить, за что получена та или иная награда и как она называется.

– Дяденька! А подарите медальку! – какие мы были непосредственные и наивные...

Многое в то 9 мая 65-го года было впервые. Не ведали мы, мальчишки, что на груди ветеранов в их иконостасе боевых наград появилась тогда ещё первая юбилейная медаль «Двадцать лет Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.» На Красной площади в Москве был проведен парад – впервые после Парада Победы 24 июня 1945 года. И ещё – 9 мая было объявлено нерабочим днём и всенародным праздником! Гордость за страну, осознание её силы и значения на планете Земля невидимой, но крепкой нитью связывало воедино всех нас, тогдашний народ Великого Советского Союза.

В тот 1965 год произошло ещё одно событие, потрясшее меня и оставившее в моей впечатлительной детской душе глубокую зарубку. Зарубку на память. Это фильм «Обыкновенный фашизм» Михаила Ромма. Фильм страшный и жестокий своей правдой, который смотрели заводами, колхозами, воинскими частями, школами, семьями. Смотрели без ограничения по возрасту.

Почему в наши дни не показывают этот фильм хотя бы 9 Мая? Хотя бы один раз в два-три года? Это в далеких шестидесятых телевизор имелся не в каждой семье, и практиковался коллективный выход в кинотеатр. Но сейчас? Чтобы ещё раз отдать дань замученным и павшим, чтобы знали и помнили новые молодые поколения!

Помню, как на просмотре этого фильма замирало моё сердце, и холодело в груди от вида груды голых изможденных тел замученных узников концлагерей. До сих пор перед глазами стоит страшная картина ненасытных жерл газовых печей, дымящихся труб крематория и длинной вереницы едва живых людей. Очередь за избавлением от нечеловеческих мук?

Помню тишину в зале кинотеатра, когда сотни людей, прикованных взглядами к полотну экрана, затаив дыхание, всматривались в каждый кадр жуткой кинохроники, вслушивались в каждое слово автора фильма-разоблачения.

Помню, как через время и расстояние на меня смотрели дети: дети лагеря смерти – сквозь колючую проволоку, оторванные от матерей, в полосатых ветхих робах, с выколотыми номерами на тонких, как плети, ручонках. Смотрели молча голодными, но ещё на что-то надеявшимися огромными глазами, ввалившимися в чёрную бездну десниц...

И ещё мне вспомнился разрывающий сердце случай, произошедший в нашем городе, о котором я слышал от своих родителей. При просмотре «Обыкновенного фашизма» в одном из детей, узников концлагеря, женщина узнала своего ребёнка, потерянного ей во время войны. Была истерика, обморок, скорая помощь. Просмотр остановили. Чем закончилась эта жуткая история, я не знаю...

* * *

Дом Александра Ивановича стоял в конце улицы. Тыл дома поджимала стена мачтового соснового леса, откуда доносилась морзянка невидимого трудяги-дятла. С фасада же открывался вид достойный кисти пейзажиста. По уклону горы, словно мозаикой, рассыпаны разноцветные крыши домов и квадраты с зимы необработанных приусадебных участков. Центральной частью этого полотна был пруд. Правая его сторона, сужаясь, подбиралась к деревне, левая же растянулась на многие километры и скрывалась где-то в набирающей зелень тайге. На противоположной стороне пруда раскинулся небольшой поселок, над которым возвышался храм или, правильнее сказать, то, что от него осталось. Но даже обезглавленный и заброшенный он выглядел гордо, и в этом угадывались его тайная торжественность и непокорность. Чем он был десятки последних лет? Клубом? Складом стройматериалов? Местом мальчишеских игр в войнушку или распивочной местных пьянчужек? Реставрировать бы его, купола позолотить. Вот сказочная красота была бы, – подумалось мне тогда. Наверное, об этом же подумал и Владимир, также как и я, замороженный великолепием открывшегося нам вида.

– Правильно мыслите! Такая красотища пропадает! Мне бы материалов да помощников с десяток, я бы эту церквушку, голубу мою, за пару месяцев поднял. Стояла бы, как невестушка, и людей своей красотой радовала!

Я вздрогнул от неожиданности – за нашими спинами стоял Александр Иванович. Щурясь, он всматривался вдаль, как художник или скульптор, изучающий и впитывающий в себя мельчайшие нюансы предмета своего интереса перед тем, как перенести его на ещё пустой холст или оживить ещё мертвый камень.

– Отец?!

– Александр Иванович! Мы вас и не слышали! Как вы так незаметно?!

Мы искренне удивились его внезапному появлению.

– А вот так! Зря я что ли всю войну прослужил в разведке!

Мы все крепко обнялись, поздравив фронтовика с праздником.

– Ну, заходите-заходите, вы тут не гости – свои! Располагайтесь, отдыхайте!

С первого взгляда была видна рука мастера, рука хозяина. Свежевыкрашенный палисадник из резного штакетника перед домом, образцовый забор вокруг усадьбы. Сам же дом требовал отдельного внимания. Ему хотелось улыбнуться: такой он был ладный и весёлый. Все в доме было сработано собственноручно Александром Ивановичем, добросовестно и с любовью. Высокий завалинок выложен диким камнем. Стены дома обиты вагонкой и пущены под лак.

Крашенные голубым двери и оконные рамы в обрамлении искусно вырезанных наличников с хитрым авторским узором и рисованными кистями красной рябины. Пушкинский золотой петушок украшал конёк заново перекрытой крыши.

– И всё сам-сам! Меня не допускал, гвоздя забить не дал! – шутя, пожаловался Владимир мне, специально погромче, чтобы услышал отец.

– Да... Старый-то дом на ладан дышал, когда я его присмотрел, – пояснил Александр Иванович. – Но ничего, потихоньку-полегоньку и ожил дом, задышал!

– Ну что, пап, командуй. «Пока желанием горим, пока сердца для чести живы...» – Владимир взял на плечо прислонённую к веранде лопату и с готовностью посмотрел на отца.

– Так я же уже сказал вам – располагайтесь и отдыхайте! Сейчас по бутерброднику-другому с дороги, и в баньку! А потом отобедаем и праздник отметим!

– ?

Мы недоумённо переглянулись с Владимиром.

– Так мы же помочь тебе приехали! Сам же говорил, что огород под картошку вскопать надо!

– Да вскопал я его уже, вскопал! Вчера днём начал, а сегодня поднялся с солнышком – оно-то прямёхонько из-за пруда встанёт и мне в спальню светит – и «добил» это дело! Чего я вас ждать-то буду?!

– Пап, ты шутишь, наверное, как всегда! Не верю! Пошли на огород!

Александр Иванович, предчувствуя своё торжество, бодро пошагал впереди, увлекая нас за собой. Зайдя за дом, мы с Владимиром остановились в полной растерянности. Не шутил ветеран: перед нами лежал внушительный по размерам квадрат вскопанной земли, где уже бойко хозяйничали юркие пичуги, добывая потревоженных жучков и червей.

– Вот так-то, сынки! Подвижное-то оно в подвижном! Отдохну с вами маленько и соседкам ещё подсоблю!

Да уж... Вот оно деревенское начало! «Богатыри – не мы!» – подумал я тогда, позволив себе несколько исказить известное лермонтовское изречение.

Владимир попытался пожурить отца за такой трудовой героизм, но был тут же категорически остановлен им:

– Так, разговорчики в строю! Быстро перекус и в баню – заждалась уже, голуба моя!

* * *

Баню Александр Иванович срубил тоже сам. Как и положено на деревне – небольшую, уютную, сложенную в «лапу» на мох, с печкой-каменкой.

От Владимира я знал, что Александр Иванович слыл знатным парильщиком. Парился по два, а то и три раза в неделю и основательно, до десяти заходов!

– Александр Иванович! А при какой температуре паритесь? – поинтересовался я у «профи», и тут же был удостоен такого уничтожающего взгляда, что пожалел о вопросе.

– Это у вас, городских изнеженных, термометры да гигрометры! А у нас, деревенских, топят, пока уши трубочкой не свернутся. У нас всё по-простому, без вычурности. Вот был я давеча у одного тутошнего дачника-нувориша, просил он совета у меня по бане, что и как? Да вон его гамазина стоит у пруда! Вы проходили мимо, когда поднимались.

Действительно, нельзя было не заметить четырехэтажный монстр–новодел красного кирпича без каких-либо архитектурных фантазий. Дом фасадом выходил на пруд, на противоположном берегу которого стоял облюбованный нами храм, который даже в полуразрушенном плачевном состоянии давал фору в изяществе и красоте этому безвкусному современному творению.

– Так вот баня у этого деятеля, – продолжил Александр Иванович, – поболее моего дома будет: с баром, бильярдной и ... библиотекой! Это вдруг Александра Сергеевича почитать с жару захочется или со Львом Николаевичем партейку разыграть. Но главное, парилка там – человек на двадцать, хоть взвод на помывку заводи!

– И что посоветовали?

– Что посоветовал?.. Посоветовал бульдозер подогнуть и снести это горе-зодчество к чертям собачьим! Обиделся паренек на меня. Сейчас стороной обходит, чтобы, значит, не здороваться.

Александр Иванович усмехнулся по-доброму и посмотрел в сторону дома-гиганта.

– Надо будет зайти помириться. Мне, конечно, его денег не жалко: по приходу и расход. Но то, что баньку души лишил, идею извратил – нехорошо!

И что, казалось бы, старику так огорчаться? Его дело стороннее! А вот как переживает, словно живое существо покалечили!

– А это дело оставь, захочется – после бани примете. – Александр Иванович указал на несколько банок с пивом в руках Владимира. – В моей баньке только чаёк в почёте, край, квасок! Выбирайте, кому что по душе будет: чабрец, зверобой, душица, мята. А здесь сбор травяной или, по-вашему, по-современному, микс, значит.

Александр Иванович с любовью продемонстрировал подписанные им баночки, рядом стоящие с пузатым самоваром на резной полке. Она тоже вышла из-под его мастерской руки. Нельзя было не заметить продуманность устройства небольшого предбанника: полки, небольшой стол, скамейки были закреплены на стенах и поднимались или опускались при необходимости.

– Ну, молодежь, заходи по одному, проверю вас, кто сколько стоит!

Раздевшись, Александр Иванович взял два пахучих берёзовых веника и угрожающе потряс ими перед нами:

– Ну, кто смелый?!

Я невольно поразился телу этого лишь по годам пожилого человека с юношески рельефной мускулатурой, без лишнего грамма жира и с прошлогодним загаром:

– Александр Иванович! Да вас для глянцевого журнала снимать можно! – попытался пошутить я с нескрываемым восхищением. – И как вам это удается?

– А мой рецепт простой: «Поменьше мучного, побольше ночного!» – ловко отшутился Иваныч.

Мы с Владимиром многозначительно переглянулись. Вот уж действительно: «Сказка ложь, да в ней намёк! Добрым молодцам урок».

Уже на третьем заходе в парилку мне казалось, что душа покинула меня, оставив брэнное тело на верхнем полке этой деревенской бани. Зато Александр Иванович без усталости поддавал пару ещё и ещё, нахлестывал меня фирменными веничками:

– Мелюзга пузатая! Мужское племя позорите! За что вас только девки любят?

– Пощади, Иваныч! Инквизитор! – умолял я нашего банщика, пытаясь сползти с полка и скрыться от экзекуции.

– Терпи, казак, атаманом будешь! Всю хворобу, всю дурь из вас выбью!

Добравшись до своего любимого занятия, Александр Иваныч колдовал надо мной вениками, о самоличной заготовке которых он предварительно прочитал нам настоящую лекцию: где и когда их следует резать, как сушить и запаривать. Ловко загребая пар откуда-то из-под потолка парилки, он гонял его вениками вдоль уже не принадлежащего мне тела, искусно обволакивая его волнами горячего воздуха. Затем проминал спину через их раскалённую листву, словно промокал покидающую меня хворь и другую нечисть, втирая в очищенное тело волшебный эликсир березовых рощ.

– Свободен, сачок! Зови следующего! – Александр Иванович с отяжкой от души одарил меня напоследок похудевшим веником по мягкому месту.

– Тебя на ковер требуют! – на выдохе, пулей пролетая через предбанник, я передал команду Владимиру. Вырвавшись на свободу, зачерпнул ведром холодной воды, загодя приготовленной в стоящей у бани бочке. И, прокричав куда-то в небо: «Господи, благослови!» – я обреченно опрокинул его на себя... Сердце моё на секунду остановилось, дыхание перехватило. Глубокий вдох, и душа вновь вернулась в очищенное тело!

Владимир не потянул третий «поход» в парилку, за что был обруган отцом слабаком и филоном. Грузный телом, в маму, он вполне довольствовался двумя заходами в отцовское «чистилище». Степенно баловал себя ароматным чаем и упивался негой, уютно укутавшись в махровый халат. Медленно спускаясь с седьмого неба, я с удовольствием присоединился к нему. Чай продолжил начатое в парилке колдовство, разгоняя по телу неопишное блаженство и восстанавливая силы, оставленные на полке.

Сольный заход Иваныча в парилку длился минут пятнадцать – двадцать. Любил он это дело и относился к нему также добросовестно, как и ко всему другому, за что брался. Чего мы только

с Владимиром не услышали сквозь взрывы воды, подбрасываемой им на раскалённые камни печи и хлёсткие шлепки веников! И куплеты о гордом «Варяге», не сдающемся врагу, и про пионеров, которые дети рабочих, и про хана Булата, чья сакля бедна. И еще множество присказок и поговорок между сотнями «Ах!», «Ух!» и «Ох!» Многое, кроме сквернословия, которого Александр Иванович не употреблял сам и не терпел от окружающих.

На половине моего третьего стакана чая дверь парилки распахнулась, и вместе с волной жара и ароматом распаренных веников оттуда вывалился наш бравый ветеран – счастливейший из счастливых! Его очищенные лёгкие, как кузнечные меха, жадно поглощали литры свежего воздуха. Горящее тело, густо покрытое берёзовой листвой, испаряло клубы пара.

Выскочив из бани, он трижды перекрестился и, прошептав что-то, вылил на себя три ведра ледяной воды. Казалось, что раскаленное тело должно было бы треснуть и расколоться на мелкие кусочки, как фарфоровая статуэтка, но оно с честью выдержало это испытание, вобрав живительную силу огня, пара и воды. Наперед скажу, что таких знатных парильщиков в своей жизни я более не встречал...

* * *

Стол, по нашим городским понятиям, был накрыт Александром Ивановичем изысканно и споро. Как заправский фокусник, он в мгновение ока украсил его деревенскими деликатесами, конечно же, собственного производства. Даже при жизни ныне покойной жены домашними заготовками занимался он лично, видя в этом наслаждение и некое искусство.

– Вовка! Кыш от стола! – любящий во всем порядок и организованность, прикрикнул Александр Иванович на сына.

Но было уже поздно, симпатичный огурчик с хрустом исчез во рту Владимира. А стол действительно зачаровывал и манил. Солёные огурчики один к одному, в пупырышках, будто продрогли, дожидаясь в подполе своего выхода в свет. Хрустели они так, что казалось, было слышно в соседнем дворе. В одной компании с ними красовались ядрёные маринованные помидорчики, в любую секунду готовые взорваться своим соком. Калиброванные груздочки, рыжики и маслята соперничали своей красотой и словно шептали: «Выбери меня! Выбери меня!» Но безусловной королевой стола была сваренная в чугушке картошечка, белоснежная и рассыпчатая...

Привезённые нами сырокопчёная колбаса, янтарный балык, шпроты и икра были чужаками среди этого местного деревенского сообщества.

– Пап, а как у вас здесь выборы губернатора прошли? За кого пенсионеры голосовали? – Владимир «дохрумывал» второй сташенный огурчик, пока Александр Иванович завершал сервировку стола.

– Да как прошли? Организовано, с музыкой и песнями. – Александр Иванович намеренно сделал ударение на «я». – Мы ведь, старики, ещё при Иосифе Виссарионовиче приучены всем народом голосовать. Как тогда говорили: «Единым блоком коммунистов и беспартийных». И нынче проголосовали дружно. Сговорились с нашими старушенциями и голосовали за нынешнего губернатора, дай Бог ему здоровья!

– Почему ж за него, а не за других кандидатов?

– А он на гармошке хорошо играет! Давеча по телевизору показывали.

– ?

Да уж, точно сказано Федором Ивановичем Тютчевым: «Умом Россию не понять! Аршином общим не измерить...»

Накрыв на стол, Александр Иванович удалился из комнаты и вернулся через минуту-другую. На его пиджаке сияло с десяток орденов и медалей, чей блеск отражался в счастливых глазах ветерана. Мы с Владимиром, как замороженные, смотрели на него и любовались героем-фронтовиком. Какой же красивый он был, вдруг помолодевший, подтянутый, праздничный! Видя наш нескрываемый восторг, Александр Иванович позволил себе чуть попозировать, превратив это в шутку: «Я не тщеславный, но тщеславие мне не чуждо!...»

Дав себя сфотографировать, Иваныч объявил о закрытии торжественной фотосессии и набросил пиджак на спинку стула.

– Ну что, сынки, спасибо, что приехали старику помочь и с праздником поздравить! – Александр Иванович налил по первой из запотевшей, обжигающей холодом бутылки. – День сегодня святой. Сколько же, вдуматься, людей наших погибли на фронтах, в концлагерях и в тылу?! Сердце разрывается... Сколько семей резануло по живому?! Как просмотрели, как допустили?! Помирать буду – не пойму и не прошу! Всё вынес, всё выдюжил народ наш великий, победитель и освободитель! За него давайте и выпьем! С праздником! С нашим великим праздником!

Выпили стоя, поздравив и расцеловав ветерана.

– Ешьте, ребятки, ешьте! Всё своё, без нитратов разных и пестицидов! Ведь у нас разведчиков поесть – дело не последнее! Это в пехоте перед атакой есть не полагается.

– ?

– Да потому, что какому бедолаге полный желудок пуля прошьёт, или осколок вспорет, гибель неминуемая! Или там же на поле боя помрёшь, или в операционной – так это ещё, если тебя девчушка-санитарка найдет, или бойцы-товарищи дотащат. А мы, разведка, сытыми под завязку на задание уходили. Кто знает, когда еще подзаправиться удастся?

Со мной на эту тему случай был. Возвращаемся с задания – вымотанные, но довольные. Приказ выполнили, да ещё с первого раза, а это не всегда получается! Тут фрицы нас и обнаружили да как давай минами сыпать! От всей души окучивали! Страшное это дело, ребятушки! Летит она, окаянная, завывает, а где шлёпнется, одному чёрту известно. И вот слышу – летит! Печёнкой почувствовал: моя... конец! Внутри всё так и опустилось! И только хотел глаза закрыть, смертушку свою встретить, как словно земля передо мной расступилась – воронка! Огромная такая, глубокая. От бомбы, видимо, авиация работала. Я кубарем туда, а товарищ мой, тезка – Александр, не успел...

Александр Иванович на минуту замолчал, перевел дыхание:

– Когда пришел в себя – отдышался, глаза протер, уши продул. Затащил, значит, я Сашка в воронку, а у него живот распорот осколком от мины, и кишки по земле, а из кишок... Скалитя Сашок от боли, стонет, слёзы ручьем и внутренности руками опять в живот запикивает... А потом вдруг улыбнулся и процедил чуть слышно сквозь зубы: «Я добро своё не кину...» Так с улыбкой и представился, родимый. Обнял я его, поцеловал по-братски, перекрестил, сам перекрестился и к нашим, донесение нужно было передать срочно, хоть кровь из носа!

Ох, сколько же я товарищей своих боевых вот так, закрывши им глаза, оставил на той стороне! А сколько сам в землицу проводил...

* * *

Часы-ходики отсчитывали секунды весны, заполняя комнату своим перестуком, даря ощущение домашнего спокойствия и уюта. В открытое окно задувал шальной ветерок, несущий ароматы ближнего леса и бойкий пересвист беспокойных пичуг. Мы с Владимиром молча и с искренним сопереживанием смотрели на Александра Ивановича, поникшего под бременем тяжёлых воспоминаний. Сквозь набежавшие слезы он всматривался куда-то в окно, будто там вот-вот должны показаться лица дорогих ему погибших фронтовых друзей...

Выпили по второй, стоя, не чокаясь, за погибших.

– Александр Иванович, а как вы в разведку попали? – поинтересовался я.

– Вот так и попал: не думал-не гадал. Я ведь в пехоте воевать начал: «Эй, пехота! Прошёл сто верст, ещё охота!» Да... А случилось это в аккурат после моего первого боя. Вызвали меня к командиру батальона. Я ещё после боя толком не отошёл, а тут такое дело! У меня мысли разные: что к чему, зачем? За что? А как комбат мне руку пожал, так у меня сразу и отлегло на душе. «Ты, – и по имени-отчеству меня, молодого, – говорят, бился смело, физподготовку хорошую имеешь и приёмами владеешь. Так что собирайся и дуй в подразделение разведчиков, там уже в курсе». А я действительно перед войной самбо увлекался, и силушкой меня Бог не обидел. Гирей и сейчас перекрещусь. Вот так и стал разведчиком. Без малого четыре года в разведке повоевать пришлось, под самую завязку. Сколько раз на задание с товарищами ходили и не сосчитать уже: и за языком, и дислокацию фрицев изучить, и сколько у них чего из техники имеется. И, бывало, в глубоком тылу у немца гостили. Туда-то потихоньку, «на цыпочках», а обратно и с боями вырываться приходилось. Со стороны кажется, что разведка – элита. Сходил на задание, туда-сюда, и награду получай! А на деле-то не так выходит! К концу войны наша разведрота более чем на две трети обновилась!

Бывало, уходит группа в пять-шесть человек, а возвращаются двое-трое, а то и один... А случалось, что и все погибли...

А ну, ребятки, давайте по третьей! Как говорится: «Без троицы и изба не строится!» А тут такое дело – праздник великий, всенародный! Потому, как всем досталось, всем лиха хватило: и в тылу, и на фронте. И генералам, и нашему брату-солдату! За народ наш советский, за народ наш великий и поднимем по полной!

Встав, ещё раз поздравили друг друга, дружно и с чувством опустошили стопки.

– Александр Иванович! – скоро закусив, обратился я к отставному солдату. – Вот сколько книг о войне прочитал, фильмов документальных и художественных пересмотрел, а никак не могу представить, как это пойти на таран, закрыть собой амбразуру ДЗОТа? В здравом уме подняться в атаку под пули, на верную смерть? Ведь, если откровенно, это же противоестественно для нормального человека с его природным чувством самосохранения? Что это – бесстрашие, запредельная ненависть, принуждение? Что?..

Александр Иванович одарил меня глубоким тяжелым взглядом, таким, что мне стало не по себе, и я пожалел о заданном вопросе. Он как будто осунулся, морщины на лбу и вокруг глаз стали чётче, на скулах обозначились желваки. Долгой нам показалась минута его раздумий!

– Трудный вопрос, ребяташки мои дорогие, очень трудный! И не просто ответить на него с кондачка. И чтобы честно, не как с трибуны пионерского слёта: без пафоса и высоких слов о любви к Родине! Я ведь в штыковую только один раз и ходил, до разведки. Высотку мы брали. Но и этого раза на всю жизнь хватило. Я из того боя до сих пор не вернулся...

Конечно, страшное это дело – из окопа выскочить! Руки-ноги не твои, словно ватные. Виски, того и жди, что разорвутся. Сердце, как бешеное, колотится! Не наркомовские бы сто грамм, совсем туго было бы! Так вот, как сейчас помню, взводный наш, младший лейтенант, по окопу мечется, волнуется. Молодой, года на два старше меня был. Только окончил ускоренные курсы младшего комсостава, и бой этот у него также первый. Сам, родимый, бледнющий, губу прикусывает. И всё на свои часы смотрит – время начала атаки не проспять! А дело это серьёзное – трибунал за задержку! «Вы уж, – говорит нам, солдатам, – простите меня, если что. И не подведите меня, пожалуйста...» И смех, и грех, право! Даже я, юнец не обстрелянный, и то сквозь дрожь свою подлую в рукав улыбнулся. И так захотелось мне подойти к нему, обнять, расцеловать по-братски! А кто-то из бойцов, который уже пороху понюхал-повоевал, и говорит ему не по уставу, конечно, по-человечески, душевно: «Не дрейфь, лейтенант, не подведём, дружно поднимемся! Сам не подкачай! А прощать – не прощать после боя решим!»

Не подкачал взводный! Как время подошло, глаза закрыл, прошептал что-то, пистолет из кобуры, и – вон из окопа! «В атаку-у-у!» – первым из нас пошёл, красиво...

Тут в головушке моей перевернулось всё: день ли, ночь? Лезу на бруствер, а тело к землематушке так и тянет: упал бы здесь же и лежал всю жизнь! Все, о чём помполит наставлял перед боем, советы бойцов бывалых, кто ты и зачем здесь, всё из головы вмиг выветрилось! А слева-справа народ из окопа высыпает, штыки к винтовкам примыкает. И лейтенант наш впереди уже, рука с пистолетом вверх и кричит на весь белый свет: «За Родину! За Сталина!» Агитплакат во время войны был, так точь-в-точь с нашего взводного срисованный!

Знали бы вы, ребяташки, как тошно и стыдно мне стало за трусость свою! Когда всего лишь на долю секунды я представил себя после боя в кругу судящих меня товарищей, которым я и не товарищ более, а трус и предатель! И правильное их решение по законам военного времени: расстрелять Сашку-подлеца к чёртовой матери!

И вот отталкиваюсь я, значит, но встать в полный рост – никак! Но, главное, переборол себя, сделал первый шаг! Так и бежал поначалу полубоком, полусогнутый! В глазах всё как застыло: вырванные взрывами земляные столбы, почерневшее небо, чьи-то спины, лейтенант. В голове звон, треск – то с одной стороны снаряд рванёт, то с другой! А впереди с высоты, вспышки, вспышки, вспышки! Это немчура пулемётным да автоматным огнём нас встречает, как косой косит! Пули свистят, век такого пересвиста не забудешь! То слева слышу, стайкой шальной пролетели, то справа очередь, аж ветерком щёку приласкала! А то прямо перед тобой землю вспашут! Бегу, ошалевший, и жду: «Ну, где же ты, моя окаянная? Куда угодишь? В лицо? В грудь?» Бегу и жмурюсь – страшно! И как меж двух пружин: одна вперед толкает всё сильнее и сильнее, а другая

в грудь давит, ходу не дает! Но отпускает, отпускает помаленьку, слабеет... А потом вдруг в тебе как переворачивается что-то! Заглатываешь воздух полной грудью, взахлѐб, а он горький от пороха, на зубах скрипит! И цепь, которой ты был прикован к своему окопчику, рвѐтся, как тонкая нить! Голова становится ясная, ты встаѐшь в полный рост и...

Я слушал рассказ ветерана, его исповедь, и на секунду представил себя рядом с ним... Меня передернуло, волна озноба пробежала по спине. Владимир, нахмурившись, сжимал пальцы рук и, судя по всему, переживал то же самое. Александр же Иванович смотрел куда-то мимо нас, и казалось, рассказывал всё это не нам, а самому себе. Может быть, впервые, а может, в сотый раз, не таясь своих человеческих чувств и не стыдясь за себя... Налив в свою стопку водки на глоток, выпил, не закусывая, и о чем-то глубоко задумался. Прошло какое-то время, прежде чем он вновь вернулся к нам и продолжил рассказ, будто и не прерывал его:

– ...и кричишь! Бежишь и кричишь, тупо уставившись в одну из огненных точек, плюющую в тебя металлом! И даже не кричишь, а орѐшь! На всю вселенную! Во всю глотку! Так, что всё нутро твоѐ того и гляди выскочит наружу: «Ура! Ура-а-а!!!» И такая, ребяташки, злоба охватывает тебя, такая ненависть к этой немчуре проклятой! Какого хрена припѐрлись сюда?! Кто звал?! На мою страну руку поганую подняли! На Родину мою! Чтобы я в свои двадцать неполных годков, не пожив толком, девчонок не целовавший, смерть от вас принял, ироды окаянные?! Чѐрта вам лысого! Щас мы вам покажем, кто тут хозяин, мать-перемать вашу!

И уже не бежишь, а рвѐшься вперѐд! Обречѐнный на верную смерть, но сделавший этот выбор осознанно: выбор между «вперѐд!» или «назад!» Рвѐшься, как заморожѐнный! И уже не прячешься за спины товарищей и собственный крик, а бежишь молча, до хруста сжав зубы! Через воронки, через тела солдат наших павших! И взрывы тебе – не взрывы, пули – не пули, смерть – не смерть! Сливаешься с этим неземным хаосом и уже не осознаѐшь, кто ты, что это и почему это? Почему лейтенант встал, как вкопанный? Будто наткнулся на невидимую стену и сползал по ней, ломая ногти! Почему Тарас Сушко, здоровяк и весельчак из Полтавы, рухнул на колени? Почему кричал он и куда подевались его руки? Одно было в моей голове: «Только бы добежать до этого чѐртового окопа! Только бы добежать! А там, держитесь, гады!»

Наш рассказчик перевѐл дыхание и вытер со лба выступившую испарину.

– Слава Богу, дотянулся я всё-таки до их окопа! Их окопа на нашей земле! Долго же был путь до него, ох, как долго!

И вот они – фрицы! Зверьѐ в человеческом обличи! Я-то их вблизи впервые видел. И вдруг – стоп! Будто в стену прозрачную врезался, как взводный мой, и сквозь неё в меня целится кто-то. Время, сынки мои, остановилось, кровь в жилушках застыла! «Всѐ! – пронеслось в голове. – Уж это точно конец!» А фашистога тот автомат к груди подобрал, на меня навѐл и смотрит глаза в глаза через прицел. Он-то в окопе, а я наверху ещё. То ли рассматривал меня, то ли еще что, только эта секунда мне вечностью показалась! А потом вдруг вздрогнул он, глаза закатил и осел. Срезал его старшина наш. Финскую прошѐл и на этой войне не в одну атаку хаживал. Ох, и окрестил же он меня тогда по нашей россейской матушке! Коротко, но с душой! До сих пор свечку за него ставлю!

А потом опять всё, как в угаре. Только и помню – крики, мат, кровь... Но страха уже не было, как рукой сняло! Только злоба звериная! С нашими-то винтовками в окопе никуда – штыку простор нужен! Так мы, кто штык отомкнул, кто сапѐрную лопатку долой с ремня, а у кого ножи были, наши или финки трофейные – и вперѐд! Вспомнить страшно, как сотни здоровых мужиков рубили, резали, душили друг друга... Только каски звенели да кости трещали! Тут-то силушка и довоенные тренировки мне и пригодились! Вот такие и были у меня боевые «крестины». Вот и решайте сами – как оно на самом деле выходит...

Все молчали. Мы с Владимиром смотрели на Александра Ивановича и, наверное, думали об одном и том же: «Из какого металла отлиты наши отцы? Какую нечеловеческую силищу, физическую и духовную, надо иметь, чтобы пройти всё это? А смог бы я?»

Александр Иванович словно прочѐл наши мысли и продолжил:

– А коли, сынки мои, у нас с вами разговор по душам получился, скажу вам ещё что. Если бы не Господь, – ветеран перекрестился на иконы в углу комнаты, – не дошѐл бы я до Берлина! Я же с

молитвой вставал, ел-пил с ней и на задания уходил. И крестным знамением себя осенял: то тайно, шинелькой укрывшись, а то и прямо в строю, незаметно. Хоть пупок, но перекрещу! Был у меня поначалу и крестик. Носить его не носил, но хранил, сколько мог. Но как попал в разведку, изъяли его отцы-командиры. Во-первых, какие могли быть крестики в Красной армии! Во-вторых, мы ведь на ту сторону «чистыми» ходили: без документов и наград, без фотографий и писем из дома. Зато сейчас он всегда при мне, защитник мой!

Александр Иванович трепетно поцеловал свой нательный оловянный крестик. Затем, усмехнувшись, продолжил:

– Жизнь-то – она штука хитрая! Бывало, возвращаешься с задания, поспешишь, обнаружишь себя, ну, фриц и давай из минометов окучивать – провожать, значит. Жуть! Тут уж, партийный-беспартийный, валимся вповалку и давай Бога вспоминать! В крик! Кстати, я недавно шутку меткую по этому поводу слышал, что атеизм – он ведь до первой тряски в самолёте! Вот ведь, братцы, какой коленкор получается!..

Наполнив стопки, мы с Владимиром встали.

– За тебя, отец, за подвиг твой, за то, что жив остался!

– За вас, Александр Иванович! За Победу! До гробовой доски вам обязаны!

Александр Иванович встал по стойке смирно, в глазах блеснула искра, плечи развернулись, тело напряглось и казалось, будет команда – вновь пойдет в бой бывший разведчик!

– Спасибо, родные! Не за меня – за солдатушек наших, за народ наш советский давайте поднимем! За тех, кто смерть за нас принял и до светлых дней этих не дожил!

* * *

Долго мы ещё сидели за нашим праздничным столом: хорошо, по-семейному. О здоровье говорили, о проблемах деревенских да городских, и, как водится, о государственных делах посудачили. Ведь как там без нас разберутся – что и как? И ещё бы говорили и говорили, если бы не ранний подъём и не радушный приём: то Владимир, то я начали кивать носами, проваливаясь в сон, что не ускользнуло от отцовского глаза:

– А сейчас, сынки, давайте-ка поспите! Это после баньки да стопочки самое милое дело!

Не сразу удалось мне уснуть – не отпускал рассказ фронтовика.

...А потом вдруг оказалось, что мы с Владимиром и его молодым отцом рядом в глинистом сыром окопе. Вместе, крича и задыхаясь, бежим под вражеским огнём: «Ура-а-а!» Вот и безымянный лейтенант: не бежит – летит впереди нас, словно архангел! И Тарас Сушко рядом с ним... И опять «Ура-а-а!» Вражеский окоп. Немцы огромные, каски с рогами! Схватка жестокая, беспощадная... Дед мой, тоже воевавший, Фёдор Артемьевич, и тоже молодой! А он-то как здесь? Прикрывает меня короткими очередями. И вдруг тишина... Победа? Победа!

Полуденная дрёма окончательно овладела мной. И я уснул, по-детски совершенно счастливый: мы с Володькой, Александр Иванович, лейтенант, Тарас Сушко, мой дед и все-все наши остались живы и невредимы! Слава тебе, Господи! Слава вам, дорогие мои старики!

